

Нина ГРОМЫКО

Мамины рассказы о войне

Эти истории правдивы, они про мою маму, Варвару Романовну. Я с детства любила слушать ее рассказы про войну. Многие отложились в памяти. Не все истории грустные, есть смешные и романтические. Ей было семнадцать лет, когда началась война. Молодость и война были тесно связаны в памяти мамы. На пути моей родительницы встретилось много добрых людей. Это они помогли простой крестьянской девчонке выжить в той страшной войне. Низкий поклон им и светлая память.

На округах

Утро выдалось прохладным, трава по обочинам дорог блестела от росы — явный признак жаркого дня. Варя ускорила шаг. Около хлебного магазина, несмотря на ранний час, уже толпилась очередь. Магазин был закрыт, а очередь все росла и росла. Наконец заветная дверь распахнулась, и народ ринулся в помещение. Шум, давка, споры, кто за кем занимал. С началом войны это стало повседневной картиной. Народ запасался продуктами, полки магазинов вмиг опустели.

Ближе к обеду подошла Варина очередь. Она купила две булки хлеба — больше не давали — и побежала домой. Надо успеть забежать на фабрику, потом домой собрать вещи. А завтра... Варя и сама не знала, что будет завтра.

Год назад девушка приехала из далекой деревни в этот небольшой городок со странным названием Вышний Волочек и устроилась на ткацкую фабрику. Старая знакомая матери, тетя Аня, пустила ее на квартиру. Варя уже могла самостоятельно ткать полотенца. В будущем мечтала стать известной ткачихой.

Вот только обучение шло медленно, так как молодежь фабрики постоянно куда-нибудь посылали. В апреле 1941 года всех отправили на заготовку торфа на торфяные болота. Молодые ткачихи обкладывали торфом формы, в которые потом заливали гидрожир. Недалеко работали заключенные, они постоянно кричали девчонкам всякие непристойности. В конце июня работниц срочно вернули на фабрику. Как выяснилось, фронту требовалось большое количество полотенец и портянок. Работали в несколько смен. А вчера зачитали список тех, кто должен был через день прийти к девяти часам на городской стадион с вещами и продуктами. Предполагалось, что этих работников отправят на три дня на рытье окопов. Семнадцатилетняя Варя, конечно же, была в этом списке. На сборы дали день.

Поле стадиона, заполненное людьми, гудело и колыхалось, как какой-то единый организм. «Сколько же здесь народу? Тысячи две-три будет», — подумала девушка. Искать своих в этом море людей бесполезно, решила она и стала с краю. Но народ все прибывал и прибывал, и Варя постепенно сместилась к центру поля. Вскоре она обратила внимание на девушку, что стояла рядом и тоже была одна. Ровесницы разговорились, познакомились. Катя только что окончила школу. Поступить никуда не успела: началась война. Девушки договорились держаться вместе и, чтобы их не разлучили, всем говорить, что они сестры. На стадионе они простояли несколько часов. День выдался знойным, Варя выпила единственную бутылку воды и теперь думала, где бы ее вновь наполнить. Изнуренные знойным солнцем люди — мужчины и женщины разных возрастов, молодежь — уже сидели на жидкой траве стадиона, некоторые лежали. Наконец объявили построение, а потом повели

собравшихся на железнодорожный вокзал, где их ждал эшелон.

На поезде ехали до города Селижарово, потом шли пешком пять километров. Места здесь удивительно живописные! Лес светился белоствольными березками. Цветущие полянки манили к себе. Стрекотание кузнечиков, жужжание шмелей, щебет птиц, аромат цветов и трав — все слилось в единую симфонию лета. Казалось, что нет никакой войны, если бы не длинная вереница хмурых, уставших, молчаливых людей, которым не было никакого дела до этих красот.

Пришли в лес. Поступила команда: «Всем разбиться по четыре человека и рубить шалаши на четверых». Катя и Варя примкнули к двум женщинам и приступили к работе. Их шалашик получился не очень уютным, но укрыться от дождя и ветра можно было. Из веток деревьев соорудили постель. На ветки положили Варину дерюжку. Укрывались тонким одеялом Кати. Первое время жили в шалашах, позже освободилось гумно и людей перевели туда. Было жутко тесно, спали вперемешку мужчины и женщины. Иногда на ночевку еще останавливались солдаты, идущие на фронт. Тогда люди, выходившие ночью по нужде, вернувшись, не могли найти себе место.

На следующее утро после прибытия всех повели на рытье противотанковых рвов. Это такие длинные канавы глубиной до трех метров, одна стена у которых должна быть отвесной. Началась изнуряющая однообразная работа. Первую неделю у Вари жутко все болело. При движении каждая мышца ее молодого тела отзывалась болью. Кате было еще труднее, она же городская, к большим физическим нагрузкам не приучена. Девушки сразу же набили мозоли на руках.

Около гумна сколотили из досок длинные столы и лавки, сюда подвозили еду и кормили работников. Пища была скудной: хлеб, какой-нибудь суп, иногда каша и жиденький чай. Вместо обещанных трех дней прошла неделя, за ней другая. Отпускать их никто не собирався. Тела девчонок постепенно привыкли к нагрузкам и не так сильно болели, затвердели мозоли на руках, накопился небольшой опыт в копании земли. Все тяготы переносили молча, не жаловались. Идет война, на фронте гибнут солдаты. Возможно, именно эта траншея или окоп спасет кому-то жизнь. У Вари воевал старший брат Иван. Каждую ночь, засыпая, Варя мысленно молилась за него.

Где-то в конце июля на дороге, ведущей в город Осташков, появились первые беженцы. Они гнали скот, везли на телегах свой скарб и говорили, что приближаются немцы.

Люди продолжали копать траншеи и окопы. Девушки стали замечать, что копателей с каждым днем становится все меньше. Одежда на работниках изорвалась, смены не было. Тогда начальство доставило несколько рулонов ситца, каждому досталось по два метра. Девчонки сложили ткань пополам, в середине прорезали дырку для головы, одели на себя и подпоясались тонким пояском из этой же ткани. Получились кофточки. Юбки сделали из Вариной дерюжки. Теперь на двоих осталось одно одеяло.

Приближалась осень. Разноцветная листва преобразила лес, он стал необычайно красивым. Но люди не замечали этой красоты. Утренняя прохлада сковывала движения, заставляла дрожать. Днем солнце по-прежнему щедро дарило работникам тепло.

Над окопами несколько раз пролетал немецкий самолет и разбрасывал листовки. Пролетал низко, ничего не боялся, было видно, как пилот машет рукой. Вслед самолету летел отборный русский мат. Любопытство взяло верх, и Варя с Катюхой прочитали одну листовку: «Девочки и дамочки, не копайте эти ямочки. Все равно пройдут наши таночки и сравняют ваши ямочки». Народ пользовался листовками вместо туалетной бумаги.

Ряды копателей все больше редели. Девушки не знали, работников отпускают или они самовольно уходят. В последние дни беженцы шли уже без скота и скарба. Кричали работающим на окопах, что скоро появятся немцы. Начальник, который руководил земляными

работами, никак не мог связаться с вышестоящим начальством и узнать, что делать с людьми. Наконец, решил взять ответственность на себя и объявил: «Товарищи! Немцы на подходе. Благодарю всех за труд. А сейчас возвращайтесь по домам, кто как сможет». «Сестренки» успели заскочить в последний грузовой эшелон. Ехали всю ночь. Было очень холодно. Сидели на каких-то ящиках, прижавшись друг к другу и закутавшись Катиным одеялом.

В Вышнем Волочке девушки расстались. Тетя Аня встретила Варю со слезами радости. Она уже и не надеялась увидеть свою квартирантку в живых. Уезжала на три дня, а отсутствовала почти три месяца. Анна рассказала, что приезжала Варина мама, ходила на ткацкую фабрику выяснить, куда делась ее дочь. Там ничего не знали. Мать поплакала, погоревала, собрала вещи дочери и уехала в деревню.

Это было начало войны. Варе предстояло еще многое преодолеть и перенести, многое увидеть и познать: горе и страдание людей, дружбу и предательство, любовь и разочарование. Но вера в неминуемую победу давала силы жить и переносить все тяготы достойно.

Мобилизация

Наконец лес расступился, и по краям извилистой проселочной дороги потянулись колхозные поля, на которых то здесь, то там виднелись небольшие холмики. Давным-давно, в ледниковый период, лед, растаяв, оставил после себя множество камней, и вот уже несколько поколений Вариных земляков, очищая поля, собирают их и складывают в холмики, которые в народе прозвали «грудницы». Есть в этих холмиках и ее камни.

Показался дом Веселовых, восьмая изба за ним — отчий дом Вари. На единственной улице небольшой деревушки с красивым названием Елейкино, в которой родилась Варя, никого не было. День клонился к вечеру. Уставшая девушка почувствовала прилив сил. От Вышнего Волочка до Удомли ехала поездом, потом шла пешком. Повезло немного, проехала на попутной телеге, остальные восемь километров опять пешком.

Она взбежала по крыльцу в родную избу, сложенную из круглых столетних бревен. Раньше дом стоял на берегу озера Кезадра. Но потом, когда был организован колхоз «Красная роща», местное правление решило, что дома должны выстроиться в улицу. Бревна раскатали, перевезли на выделенный участок и вновь сложили в дом.

Увидев Варю, мать радостно всплеснула руками. Младшие брат и сестра запрыгали около нее. Отец спустился с русской печки и обнял дочку.

— Немцы, говорят, совсем близко подошли. На днях вся деревня наблюдала воздушный бой. Наш летчик подбил немца. Его самолет загорелся и упал куда-то в болота, — отец немного помолчал и снова заговорил: — Мы тут с матерью подумали и решили: негоже нам бежать куда-то. Здесь мы родились, здесь и умрем.

Хлопнула дверь, в избу вошел помощник председателя сельсовета.

— Приветствую всех. С возвращением, Варюха! Вовремя ты появилась. Из района пришло распоряжение гнать колхозный скот в Ярославскую область, а гнать-то некому. Трех нашли, ты будешь четвертая. Вот завтра с утра и погоните.

Катерина заслонила девушку собой:

— Не пуцу! Дайте дочке хоть помыться в бане, да отдохнуть немного.

— После войны отдохнет, — был ответ.

Утром Варя подошла к правлению, где ее уже ждали Пелагея Яковлева с подростком-сыном Степкой и хромоногий парень Гришка. В правлении им выделили мешок гороха на

пропитание. Григорий закинул его на телегу. Пересчитали в загоне скотину: тридцать коров и пятьдесят овец. Получилось восемьдесят голов. Разгородили загон и выгнали мычащее и блеющее стадо на дорогу. Пришлось помучиться, пока построили животных в нужном порядке: сначала коровы, потом овцы. Наконец двинулись в долгий путь. Их провожали деревенские ребята, которые дошли со стадом до леса, а потом дали стрелочку обратно в деревню.

Весь день шли не останавливаясь. Вредные животные постоянно пытались улизнуть с проселочной дороги то в лес, то на поле. Приходилось бегать за ними и возвращать в стадо. К вечеру совсем из сил выбились. На ночлег остановились в маленькой деревушке. Хозяйка крайней избы разрешила им переночевать на сеновале. В закопченном ведре на костре сварили горох. Каждый из дома прихватил с собой немного хлеба и картошки, поэтому первый день был более-менее сытным. Следующие дни будут чисто гороховыми, это вызовет у Вари отвращение к гороху на много лет. Чтобы скотина за ночь не разбрелась, решили дежурить по двое. Одна пара полночи спит, другая дежурит. Потом меняются.

Следующий день принес много неприятностей. Пройдя километров десять, они услышали гул немецкого самолета. У летчика были свои задачи, но он решил развлечься по дороге и, увидев стадо, снизил высоту и с грохотом пролетел над ним. Ошалевшие животные и их погонщики бросились врассыпную. Немного придя в себя, люди стали собирать скотину. Это удалось с большим трудом. Наконец порядок был восстановлен. Прошли километра три. И опять этот же самолет, возвращаясь, с ревом пролетел над ними. И снова испуганные животные и люди разбежались кто куда.

Успокоившись и отдышавшись, решили: им повезло, что летчик не стрелял, иначе бы все полегли. Договорились скот гнать ночью, а днем отдыхать где-нибудь в лесу. Остаток дня провели в небольшой рощице, а с темнотой двинулись в путь. Ночью скотина вела себя более спокойно, не ломилась по сторонам. Стояла глубокая осень с холодными ночами. На Варю был старый материнский платок и такой же старый ватник, который все успели поносить — и отец, и мать, и братья, теперь вот и ей пригодился.

Одна овечка в стаде захромала — видимо, повредила ногу, когда убегала от самолета, — а потом и вовсе слегла. Пришлось бедолагу заколоть и сварить. Мяса наелись досыта.

Вечером четвертого дня их догнал на лошади Антошка Привалов, шестнадцатилетний парнишка. Он сказал, что председатель возвращает Варвару в деревню, а Антошка вместо нее погонит скотину дальше. Едва забрезжил рассвет, девушка села верхом на лошадь и отправилась в обратный путь.

Председатель правления объявил, что Варя мобилизована. Она еще не знала, что такое мобилизация, и испуганно спросила:

— И что же мне теперь делать?

— Что прикажут, то и будешь делать, — ответил управленец.

Неграмотная Катерина, узнав от дочери, что та мобилизована, заголосила:

— Люди добрые, что же это такое, всех детей забрали. Сыновей на фронт, девчонку на какую-то мобилизацию. И все из-за проклятых немцев, чтоб они сдохли!

На следующий день девушка уже тянула рыболовные сети по озеру Кезадра вместе с другими мобилизованными. Через неделю от холодной воды и постоянного ветра лицо ее обветрилось, огрубели руки, голос стал хриплым от постоянной простуды. В бригаде была еще одна девушка, Варина односельчанка Маруся Веселова, старше Варвары на два с половиной года. Количество членов бригады колебалось от пяти до десяти человек. Это были старики да мальчишки-подростки.

Удомельский район, родина Вари, расположен на водоразделе бассейнов Волги и Балтики, поэтому здесь множество больших и малых озер (около восьмидесяти). Недалеко от Удомли

находился рыбный завод. Сюда на телегах в больших плетеных из ивняка корзинах свозили пойманную рыбу. На заводе рыба обрабатывалась и отправлялась на фронт. В распоряжении рыболовецкой бригады было две лодки, и, пока озера не замерзли, сети таскали на лодках. Вскоре наступила зима. Озера сковал лед. Работать стало намного трудней. Во льду прорубали две проруби. Из одной проруби с помощью шестов в другую протягивали сеть, на которой были пудыши (грузила — оплетенные лыком камни). Отработав одно озеро, бригада переезжала на другое — и так по всему району. Ночевали в домах колхозников, к которым их определяли на постой. Питались рыбой, хлебом и картошкой. В рыболовецкой бригаде Варя проработала около года. Постепенно сначала Марусю, а потом и Варю заменили покалеченные на войне мужчины, которые могли справиться с этой работой. Варвару в конце лета 1942 года направили на лесоповал. В крестьянских семьях дети рано начинают трудиться. С малолетства они пасут скотину и ухаживают за ней, помогают взрослым заготавливать сено, дрова, пропалывают огород, копают картошку — словом, делают все, на что способны их маленькие силы. Они видят, как от восхода солнца до заката работают родители, а это яркий пример для подражания. Вот и Варя выросла в такой семье. Работы она не боялась и понемногу умела делать все. Удомельский район, как и вся Калининская область, богат лесами и озерами. Многие известные русские художники и поэты восхищались неповторимой природой этого края. Но война не оставила людям выбора. Немцы захватили угольные шахты. И прекрасные сосновые леса пилились на шпалы и дрова.

Все трудности лесоповала Варвара познала сполна. Делала все: валила лес, пилила его, обрубала сучья, вывозила на лошади из леса к железной дороге. Ей повезло: в напарники поставили деревенского шестнадцатилетнего парнишку Сережку, который хорошо умел обращаться и с пилой, и с топором, и с лошадью. Но, как только парню исполнилось семнадцать лет, его забрали на учебу, чтобы потом отправить на фронт. Больше постоянных напарников у Вари не было — они постоянно менялись.

Леса пилили по всей области. Ночевали в домах колхозников. Время было строгое, военное, никто не мог отказать в постое мобилизованным. Когда пилили в районе озера Наволок, лес свозили на берег. Затем скопившиеся горы бревен лесорубы несколько дней скидывали в воду. Из леса сделали огромный плот, и сплавщики погнали его сначала по озеру, потом по реке к станции Удомля.

Однажды с Варварой и Серегой произошел курьезный случай. За девушкой была закреплена старенькая лошадка, а за пареньком — бык. На них они вывозили из леса дрова. Ночевать ребят определили в частный дом с конюшней. В тот вечер Варя, как обычно, привязала четвероногую подругу к яслям, парнишка своего помощника — в противоположной стороне. Они дали животным сена и пошли ужинать в избу.

Утром Сергей пошел кормить скотину, но через минуту прибежал очень взволнованный: — Бык сошел с ума, бежит по конюшне, глаза навывкате, шатается, вот-вот лошади бок пропорет.

Хозяйка испуганно вскрикнула: — Ой, он, наверно, мою бурду выпил!

Оказалось, к Новому году и Рождеству она поставила двухведерную кадушку бурды на самогонку. Закрыла крышкой, а сверху присыпала сеном, чтоб никто не увидел. Тогда очень строго с этим делом было. А бык, видать, когда сено жевал, крышку случайно сдвинул и выпил хмельную заготовку. Вот так он испортил хозяйке праздник. Да только ей не до того было:

— Родненькие, не говорите никому про это, а то меня посадят.

Ситуация смешная, но всем не до смеха. Стали думать, как быть.

Через полчаса Варя привезла напарника к начальнику. Печальными голосами они поведали ему, что тяжело заболел бык, возможно — надорвался. Для надежности девушка пару раз всхлипнула. Начальник подумал и распорядился: девчонка продолжает возить дрова на лошади, а парень будет пилить лес, пока не поправится бык. Если скотина не поправится, надо ехать за другой.

Вечером бык едва открывал глаза — видимо, болела голова. От сена отворачивался. Оправился он после тяжелого похмелья через двое суток. Все это время хозяйка молила бога, чтобы животное выжило.

С Вариной четвероногой напарницей тоже была неприятность. Как-то Варвара везла лес по болоту, и ее лошадка провалилась в трясину по самые уши. Телега тоже наполовину погрузилась в липкую грязь. Девушка пришла в ужас и расплакалась. Помощи ждать неоткуда. За гибель лошади в военное время ее не пощадят. Никто даже разбираться не будет, как это случилось. По телеге она добралась до животного и распрягла его, измазавшись с ног до головы грязью. Потом стала сбрасывать в трясину бревна. Срубила топором несколько деревьев, росших неподалеку от болота. Хорошо, что топор она всегда носила за ремнем на поясе. Целый день провозилась, чуть не надорвала поясницу. Наконец, каким-то чудом ей удалось вытащить бедную скотину из липкого плена. Обрато вернулись уже в темноте, чуть живые.

На лесоповале Варвара работала уже около года и все дальше и дальше уходила от родных мест. Лесорубы работали без выходных с утра до вечера. Шла война. Требовалось много топлива. Ведь даже машины и те ходили на дровах. Дни были похожи один на другой. Осень сменилась зимой, приближалась весна.

Девушка давно не видела себя в зеркало. Как-то в одной избе, в которой ночевали, она увидела это стеклянное чудо и заглянула в него. Из зеркала смотрела худая, усталая незнакомка. «Это, я что ли? — удивилась Варя, — да меня же мать родная не узнает».

Вспомнился дом, мать, старенький отец, младшие братишка и сестренка.

Одежда на Варваре совсем износилась. На ногах — дырявые чуни, из ватника торчат клочья ваты, рукавицы порвались. Девушка набралась храбрости и обратилась к начальнику с просьбой, чтобы ей разрешили сходить домой за одеждой. Мужчина критически осмотрел ее и согласился отпустить на три дня. Предупредил: если вовремя не вернется, судить будут по законам военного времени, вплоть до расстрела. Варя содрогнулась: она понимала, что три дня ей мало, но понадеялась, вдруг повезет и ей попадетс попутный транспорт.

Не повезло, не успела. Это был новый поворот в ее судьбе. Успей она вернуться, жизнь пошла бы совсем по другому руслу. В народе бытует мнение, что все делается к лучшему. Возможно, так и произошло с Варварой.

Эвакогоспиталь

Варя робко постучала в дверь. Ответа не услышала и тихонько приоткрыла ее:

— Можно войти?

Мужчина средних лет в звании майора, сидящий за столом, поднял голову и с удивлением уставился на девушку. А удивиться было чему: перед ним стояла девчонка в жутких лохмотьях. На ногах какая-то изношенная дырявая обувь с торчащими из дыр портянками. Из серого рваного ватника торчала вата. Руки девушка держала за спиной. Мужчина встал из-за стола и обошел ее. Оказалось, за спиной она прятала рваные рукавицы.

— Кто такая, откуда и зачем пожаловала? Я слушаю тебя, — с небольшим акцентом спросил он (позже Варвара узнала, что майор — армянин). Девушка собралась с мужеством и

ответила:

— Я мобилизованная Варя Арсеньева, иду с лесоповала. Я почти год работала в лесу. Мне дали три дня для того, чтобы сходить за одеждой. Я не успеваю вернуться обратно в лес, и меня будут судить по закону военного времени, возможно даже расстреляют, — Варе стало жалко себя, и она захлюпала носом, — возьмите меня на работу в госпиталь.

Майор посмотрел на нее с сочувствием: смог бы он, здоровый мужик, целый год валить лес?

— К сожалению, ничем не могу помочь. Штат госпиталя сформирован, и через неделю мы выезжаем на фронт, — ответил начальник.

Мужчина с жалостью смотрел вслед молоденькой девчужке, которая молча повернулась и, ссутулив худенькие плечи, обреченно направилась к двери. Она уже взялась за ручку, когда услышала:

— Подожди! Тебя действительно могут жестоко наказать. Но у них ничего не получится, потому что я тебя беру. Пока на кухне будешь помогать, а там разберемся. Твоя правда тебя спасла. Если бы соврала и не сказала, что мобилизованная, — не взял бы.

— Спасибо, — тихо произнесла она и по-старушечьи добавила: — Дай вам бог здоровья.

Так началась новая жизнь Вари в эвакогоспитале № 3475 действующей 3-й ударной армии Прибалтийского фронта.

Девушке предложили выбрать одежду из присланной американцами гуманитарной помощи. За неделю, проведенную на кухне, она немного поправилась, а вскоре уже тряслась в эшелоне, едущем на фронт. Когда поезд подъезжал к городу Осташкову, немецкие самолеты стали бомбить станцию. Это была первая бомбежка, под которую попал госпиталь — как говорится, боевое крещение. Было так страшно, что девчонка, лежавшая на верхней полке над Варварой, со страху обмочилась.

Эвакогоспиталь следовал за фронтом. Приезжая на место, выбирали более-менее подходящий дом и устраивали временную больницу с перевязочными и операционными, с палатами для больных. Раненые бойцы поступали в эвакогоспиталь с поля боя. Здесь им оказывали первую медицинскую помощь, сортировали. Легкораненых врачи лечили на месте, тяжелораненых отправляли на лечение в тыл.

Варю определили работать санитаркой. Санитарки разгружали раненых бойцов, смывали с них грязь и кровь, переодевали в чистую одежду, потом несли на носилках в перевязочную или операционную, ухаживали за ранеными после операции. По ночам стирали белье и бинты, которые не очень были испачканы кровью. Они же носили воду и кипятили ее. Иногда санитаркам помогали легкораненые и выздоравливающие солдаты. Было тяжело, но никто не жаловался: шла война и все работали на победу.

Каждый день Варвара видела искалеченные человеческие тела. Первое время девушка при виде жутких ран и обилия крови падала в обморок. Потом привыкла. Ей было стыдно раздевать солдат догола и обмывать их, потом и к этому привыкла. Иногда, выходя на улицу за водой или для развешивания белья, Варя слышала свист пуль над головой. Откуда они прилетали, санитарка не знала и не обращала на них внимания.

Варвара уже полгода работала в госпитале. Однажды после тяжелых боев с фронта привезли много раненых. Санитарки замучались их разгружать и обрабатывать. От усталости буквально падали с ног. Неся очередные носилки, Варя пошатнулась и, падая, за что-то зацепилась грудью. Быстро встав на ноги, она продолжила работу.

Через три дня грудь покраснела и воспалилась. Видимо, в ранку попала инфекция. К хирургу она постеснялась обратиться, все-таки грудь. Вскоре у Вари поднялась высокая температура, но она продолжала работать, пока не потеряла сознание. В бессознательном состоянии санитарку принесли к хирургу на операционный стол. Он осмотрел девушку и обнаружил воспалившуюся грудь. Надо было срочно делать операцию, иначе больная погибнет от

заражения крови.

Варвара ненадолго пришла в себя и услышала, как спорят мужчина-хирург и женщина-анестезиолог. Женщина убеждала мужчину, что операцию делать нельзя. При такой высокой температуре больная не выдержит анестезии и умрет. Мужчина говорил, что операция дает девушке шанс выжить. Хирург позвал двух выздоравливающих солдат, поставил около окон и объяснил, что по его команде надо распахнуть их. «Как стыдно, — подумала Варя, — лежу тут с обнаженной грудью на глазах у парней». Она вновь потеряла сознание...

Больная пришла в себя. Она лежала на своей скрипучей койке в комнатке для младшего персонала. Через три дня девушка вновь приступила к работе. Иногда хирург-еврей по фамилии Кац, который сделал ей операцию, звал на перевязку. Он наблюдал, как идет заживление раны. Варю немного смущало такое внимание. Молодой организм быстро справился с неожиданной болячкой, и на груди остался лишь небольшой шрам.

Позже Варвара узнала, что во время операции у нее наступила клиническая смерть, как и предсказывала анестезиолог. Тогда Кац приказал солдатам распахнуть все окна, а сам приступил к массажу сердца. Опытные руки хирурга смогли вновь завести человеческий мотор. Случай возвращения к жизни был довольно редкий, и доктор все очень подробно описал в Вариной истории болезни.

Варвара до сих пор помнит своего спасителя и будет помнить до конца своих дней. Он вернул ей жизнь в молодости, а в пенсионном возрасте помог получить звание фронтовика, хотя самого к тому времени уже не было в живых. История болезни с возвращением из клинической смерти, которую хирург составил правильно и грамотно, после войны попала в Ленинградский военно-медицинский музей на постоянное хранение и дожидалась своего часа.

В госпитале Варю почему-то все звали Вале́й, и на справках того времени она значилась Валентиной, а не Варварой. При выходе на пенсию пришлось искать свидетельства, что Варвара и Валентина — это одно лицо. Были написаны письма в разные инстанции. Вот тут-то и помогла история болезни о воскрешении Варвары, написанная хирургом Кацем в 1944 году, где он правильно и четко указал фамилию, имя и отчество пациентки, дату ее рождения и занимаемую должность.

Но все это будет потом, в будущем, о котором девушка еще ничего не знала. А сейчас она вместе с другими девчатами-санитарками носила изувеченных солдат на носилках, мыла, одевала в чистую одежду, ухаживала, писала по их просьбе письма родным и близким. Выздоровливая, некоторые парни начинали признаваться в любви санитарке, Варя отмахивалась: «Любовь будет после войны». Правда, ей понравился один москвич, она даже дала ему свой домашний адрес, договорившись, что если парень останется жив, то напишет. В начале весны 1945 года из госпиталя выделили группу из десяти человек и направили в Приморье: ожидалась война с Японией. Этот маленький отряд, в который попала и Варвара, должен был подготовить место для будущего базирования эвакогоспиталя. А пока госпиталь оставался в Прибалтике долечивать раненых.

Варя радовалась этой поездке. Чувствовалось приближение Победы. Наши войска уже на подступах к Германии. Настроение было весеннее. Девчонки пели песни, шутили. На какой-то станции под Новосибирском Варя неожиданно увидела в тамбуре медленно набиравшего скорость поезда свою землячку-одноклассницу. Та не растерялась, сорвала с шеи бусы и кинула подруге:

— Варюха, лови на память.

Девушка надела бусы, еще хранящие тепло землячки, и с грустью вспомнила дом.

Ехали дней десять. Варвара с интересом смотрела на проплывающие за окном пейзажи. Так вот он какой, Дальний Восток! Леса, речки, опять леса, и лишь изредка попадаются

деревеньки да железнодорожные станции. «Какая же у нас большая страна, — думалось девушке, — не зря же в песне поется: «Вставай, страна огромная!».

В Приморье они остановились в городе Спасске-Дальнем. Здесь под госпиталь выделили здание закрывшегося аэропорта. Помещение привели в порядок, побелили комнаты, вычистили подвал. Но пришло распоряжение о переводе госпиталя поближе к границе, в военный городок Чернятино. В городок приехали поздно вечером. На ночлег группа остановилась в бане. Девчата разложили выданные матрасы в банном зале и спокойно уснули.

Утром командир батальона привел солдат на помывку в баню. Пока шумная толпа раздевалась в предбаннике, проснувшиеся девчонки заполняли ведра и тазы холодной водой. Распахнулась дверь, и голые молоденькие ничего не подозревающие солдатики вошли в зал. Санитарки с воплями окатили их холодной водой. Вояки от испуга и стыда тоже заорали: они-то были голые, хотели бежать, но следующие за ними солдаты напирали и тоже пытались войти в баню. На крик в дверь протиснулся командир, ему тоже досталось. Парни побежали одеваться, командир остался разбираться. Сначала все долго ругались, потом долго смеялись. Командир построил солдат и повел обратно в казарму.

Навстречу шел другой батальон, который также направлялся на помывку.

— Как парок? — спрашивали идущие в баню.

— Парок что надо, на всю жизнь запомните, — отвечали встречные. Командир не стал предупреждать об опасности своего коллегу. На вопрос, почему такой мокрый, уклончиво ответил:

— В бане поскользнулся.

И опять сцена с купанием солдат холодной водой повторилась. За всю войну Варя так не смеялась. Девчонки долго вспоминали этот курьезный случай. Над солдатами, прошедшими холодное купание, в военном городке долго потешались.

Только подготовили помещение под госпиталь в Чернятино, как пришло известие, что эвакогоспиталь вообще не приедет, так как война с Японией закончилась. Санитарок перевели на работу в банно-прачечный комбинат, который располагался на территории Уссурийского военного госпиталя.

Девчата жили в предбаннике, еду готовили на костре во дворе комбината. Иногда на огонек и запах приходили военнопленные японцы по два-три человека. Они жили за госпиталем и что-то строили. Сердобольные девчата угощали их хлебом, иногда супом или ухой. Говорить японцы по-русски не могли, но многое понимали. Один из них подарил Варе самодельное медное колечко.

Так началась для Вари мирная жизнь в далеком Приморье, куда девушку занесла война. Этот край стал для нее второй родиной. Здесь она живет уже шестьдесят пять лет. Вырастила дочь, увидела внуков и правнуков. Жизнь ей досталась нелегкая. Но военная закалка, терпение, дисциплина и настойчивость помогли ей преодолеть все жизненные невзгоды.

Про войну и огород

Эта история произошла с Варей, когда она работала в эвакогоспитале, и запомнилась необычностью ситуации: ну что может быть общего у войны и огорода? Однако, как показал Варин опыт, и на войне можно вырастить урожай.

Слезы снова зародились где-то в глубине, потом они заполнили глаза, постояли немножко и, наконец, вылились на несчастное замерзшее лицо Вари, по пути смешавшись с дождинками, которые холодный ветер задувал под телегу. От осенней прохлады тело сотрясала мелкая

дрожь, но девушка этого не замечала. «Старик не вернется, он бросил меня, — с ужасом думала она, — и что теперь делать? Обидно, сама ввязалась в эту затею, а теперь сижу под телегой и плачу как дура».

Весна 1944 года выдалась спокойной. Полевой эвакуогоспиталь, в котором работала Варя, находился в Прибалтике. Обстановка на фронте была относительно стабильной. Больших сражений не было, лишь небольшие перестрелки, раненых поступало немного. И тогда кто-то из персонала предложил посадить на небольшом пустующем колхозном поле овощи. Вдруг затишье будет долгим, и успеет вырасти урожай. Работа дружно закипела. У местных нашли плуг, запрягли в него госпитальную лошадь, вспахали землю. В посадке огорода участвовал почти весь персонал и легко раненые бойцы. Люди, соскучившиеся по мирному труду, с удовольствием копались в земле. Поле засадили картошкой, свеклой, морковкой и капустой. Управились за три дня и стали ждать всходов. Они появились в положенный срок. Ухаживать за полем поручили младшему персоналу госпиталя, но были и добровольные помощники. В середине лета фронт двинулся вперед, а за ним должен был следовать госпиталь. Посадки к этому времени вошли в силу, урожай обещал быть хорошим. Жаль бросать такое богатство. Посоветовались и решили найти четырех добровольцев, которые будут караулить поле, а осенью соберут урожай и привезут в госпиталь. Добровольцев оказалось много, но выбрали трех девушек-санитарок (Варя попала в их число) и пожилого мужчину Петровича, которого назначили старшим в их маленьком отряде. Новоиспеченным земледельцам оставили немного продуктов, телегу, лошадь и винтовку. Госпиталь уехал.

Под жилье решили приспособить старый сарай, который стоял недалеко от поля. Тоня и Вера притащили свежего сена для постели, Варя выбросила ненужный хлам и подмела земляные полы, Петрович из старых досок соорудил стол и лавку. Еду готовили на костре.

Первую неделю девчонки наслаждались свободой. Отсыпались после бессонных ночей, отдыхали от тяжелой работы, купались в небольшой речушке. Стреноженная лошадка тоже отдыхала, пощипывала сочную травку. Вторую и третью неделю все дружно ухаживали за посадками. Казалось, наступило мирное время, если бы не дальние залпы пушек и багряный горизонт. Да Петрович, который заставил всех по очереди дежурить по ночам с винтовкой: — Не дай бог кто лошадь, телегу или одну из вас украдет. Днем тоже не стоит разбредаться по округе, вдруг какой недобитый немец объявится. Я за вас отвечаю перед начальством, — ворчал старик.

Иван Петрович относился к девчонкам по-отечески. Ему шел шестой десяток, когда началась война. На фронт не брали. Узнав, что в городе формируется полевой госпиталь, Иван с большим трудом уговорил начальника взять его на разные работы. Жизнь его многому научила. — он умел все. В госпитале был конюхом, санитаром, плотником, каменщиком. Жена у Петровича умерла до войны, на фронте воевал единственный сын.

Как-то на поле их обстрелял немецкий самолет. С того момента и посыпались неприятности. Спасаясь от обстрела, Тоня прыгнула в глубокую воронку от бомбы и сидела там, пока не улетел самолет. Вечером у санитарочки начались сильные головные боли, бред. Старик погрузил девушку на телегу и отвез в соседнюю деревню, где была небольшая больничка и единственный на всю округу доктор. Вернулся без Антонины, та осталась в больнице. Два раза Варя с Верой навещали ее. В третий раз не застали: девятнадцатилетняя санитарочка умерла. Поплакали, погоревали — больше всех убивался Петрович — и снова взялись за прополку огорода.

Продукты давно закончились, питались овощами с поля.

Тем временем урожай созрел. Несколько дней копали картошку, морковь, свеклу, резали капусту. Немало труда и изобретательности потребовалось, чтобы загрузить все это богатство на телегу. Под капусту мешков не хватило. Мешки с овощами и картошкой

загрузили по периметру телеги. В центре телеги образовался как бы колодец, туда и поместили капусту. Все закрепили веревками и утром следующего дня, не спеша, двинулись в путь. Телега была тяжелой, и девчата, жалея лошадь, слегка подталкивали ее.

Ближе к вечеру добрались до железнодорожной станции. Петрович пошел искать дежурного по вокзалу — у него имелась бумага от начальника госпиталя, где тот просил всех оказывать всяческую помощь по доставке овощей в полевой госпиталь. Варя и Вера остались охранять телегу. Вскоре подъехал эшелон с солдатами, едущими на фронт. Они с шумом высыпали из вагонов: кто сбегать за кипятком, кто покурить, кто просто размять ноги. Эти последние заметили свежие кочаны капусты на телеге и двух молоденьких девушек и направились к ним. Высокий парень ловко выхватил один кочан.

— Стой! Стрелять буду! — громко закричала Варя, передергивая затвор винтовки, в которой не было патрона. Солдаты окружили телегу и смеялись. Потом стали перекидывать украденный кочан друг другу, как мяч. Вера решила попугать вояк:

— Я сейчас пойду и все расскажу вашему командиру! — и ушла. Варя осталась одна воевать с языкастой толпой.

Наконец пришел Петрович, сообщил, что с большим трудом за мешок картошки выпросил место в товарном вагоне для лошади и телеги. Теперь надо как-то все загрузить.

Появилась радостная Вера с молодым лейтенантом. Она-таки нашла командира этих хулиганов, и каково же было ее удивление, когда узнала в нем бывшего одноклассника. Иван Петрович тоже обрадовался этому обстоятельству:

— Слушай, друг, помоги загрузить в вагон телегу, овощи и лошадь! Лейтенант согласился. И вот солдаты, которые недавно издевались над девчонками, согнувшись в три погибели, тащили мешки с овощами в вагон, потом по длинным доскам закатали телегу. Наконец Петрович завел лошадь. В награду за труд он развязал мешок с морковкой. Голодные парни опустошили мешок наполовину. Ехали в одном поезде в одном направлении, поэтому Вера ушла в вагон к однокласснику.

На станции, где, как предполагалось, должен был находиться госпиталь, выгрузились, опять помог Веркин лейтенант. Петрович пошел искать начальника вокзала. Солдаты топтались у вагонов. Вера заговорила с подругой:

— Варька, я ждала, когда уйдет Петрович, чтобы сообщить: я бросаю вас и еду с Михаилом на фронт.

Варя остолбенела:

— Так же нельзя! Как же мы вдвоем со стариком доведем урожай до госпиталя? Тебя же никто не отпускал!

— Ничего, как-нибудь довезете, сейчас всем трудно. Михаил обещал договориться, чтобы меня отпустили. Я же вольнонаемная. Прощай, подруга. Объясни все нашему старику. Пусть не обижается.

Раздался свисток паровоза, и Верка побежала в вагон.

Поезд ушел, на перроне одиноко стояли Варька, лошадь и телега. Прошло более часа.

Наконец появился расстроенный Иван Петрович. Он не сразу обратил внимание, что нет второй девушки.

— Ума не приложу, где искать госпиталь? Куда ехать? Фронт резко продвинулся вперед, за ним уехала наша больница. Две недели назад они были здесь, а где сейчас находятся, никто не знает или не говорят в целях конспирации. Что делать? Давайте поступим так. Здесь рядом латышская деревня, я вас к кому-нибудь пристрою на ночь, а сам возьму лошадь и поеду искать эвакогоспиталь. Найду и приеду за вами. Сами понимаете, с груженой телегой далеко не уедешь. Да, а где Вера?

— Нет больше с нами Веры, — печально произнесла Варя.

Петрович схватился за сердце.

— Что с ней случилось? — тихо прошептал он.

— На фронт она уехала вместе со своим лейтенантом.

Старик ничего не мог сказать, видимо сердце не отпускало. Он присел на землю около телеги, оперся спиной о колесо и сидел так минут десять. Варя забеспокоилась: вдруг с ним что случится и куда она тогда с этой телегой и лошадью? Девушка присела рядышком, тихонько потрогала за плечо:

— Иван Петрович, миленький, не переживайте вы за эту предательницу.

— Ну какая же она предательница, если на фронт поехала?

Старик и девушка проехали всю деревню, стучались во все дома. Везде им отказывали в ночлеге или вовсе не открывали. Делать нечего, выбрали полянку в черте деревни. Иван выпряг лошадь. Надвигалась ночь, заморосил мелкий холодный дождь. Варя вцепилась в Петровича и заплакала:

— Не бросай меня, отец!

— Ты не бойся, дочка, я тебя не брошу, я обязательно приеду за тобой, найду госпиталь и приеду, не сомневайся. Вот тебе винтовка, и патрон там есть.

Пока Варя вытирала слезы, старик исчез.

Девушка залезла под телегу. Закуталась в старенькое одеяло и постаралась взять себя в руки.

— Он найдет госпиталь и вернется, — твердила она вслух. Но как трудно управлять своими мыслями, а они говорили совершенно противоположное: «Он тебя бросил, как Вера». А слезы, так те вообще неуправляемые: откуда-то появляются и льются против воли.

Стало светать. Варя напрягла слух, слышались какие-то голоса. Девушка вцепилась в винтовку. Стрелять она обучена. Но за всю войну ни разу не стреляла. Голоса ближе.

— Вот и телега наша, а где же девчонка?

— Я здесь! — закричала девушка, выползая из-под телеги. Она увидела санитаря и солдата.

— А где Петрович?

— С сердцем плохо у него. Все рвался вернуться к тебе. Доктор не разрешил. Тогда старик потребовал, чтобы немедленно ехали за тобой. Вот мы и поспешили.

Так закончилась эта огородная история.